

Засодимский Павел Владимирович

**Грешница; Волчиха; А ей весело -
она смеется!**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
П12

П12 **Павел Владимирович З.**
Грешница; Волчиха; А ей весело - она смеется! / Засодимский Павел Владимирович – М.:
Книга по Требованию, 2023. – 317 с.

ISBN 978-5-519-85778-9

ISBN 978-5-519-85778-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Г Р Ы Ш Н И Ц А.

ПОВѢСТЬ.

Она родилась въ ту ночь, какъ умеръ ея отецъ.

Первый плачь ребенка былъ для него послѣднимъ яснымъ звукомъ, услышаннымъ имъ въ минуты предсмертной агоніи. Когда онъ испустилъ послѣдній вздохъ и въ потолокъ уставились его неподвижные глаза, тогда же дитя, всхлипывая, впервые вздохнуло открытымъ воздухомъ, впервые заблестали его глазенки, чуть видимые; такимъ образомъ, ни дочь не видала отца, ни отецъ — дочери, а оба, между тѣмъ, были такъ близко другъ къ другу: одна только что начинала путь, другой — уже пропелъ его до конца.... Одна жизнь являлась и — въ тотъ же моментъ — исчезала другая....

Бѣднякъ-почтальонъ немного оставилъ послѣ себя въ наслѣдство: старенькій, покривившійся домишко на краю города, маленькій огородъ съ нѣсколькими грядками, да въ сундукѣ деньгами пять рублей семь гривенъ — и только. Средства къ жизни, значить, далеко не роскошныя. Вдовѣ съ новорожденною дочерью на рукахъ перспектива представлялась незавидная: прямо ей на встрѣчу шла нищета, за нею показывались ея неразлучные спутники: горе и болѣзни. Много ей рисовалось впереди дней холодныхъ и голодныхъ, много бессонныхъ ночей, полныхъ тяжелаго раздумья, вмѣсто сладкихъ грезъ....

Мать, обезсиленная физическими и душевными страданіями, лежа на своей жесткой постелѣ, горько плакала; плакала и дочь, изрѣдко слабо вскрикивая: малютка безсознательно начала уже выполнять свое земное назначеніе.

Кумушка-сосѣдка хлопотала около родильницы и младенца, а старикъ, церковный сторожъ, съ дьячковскимъ сыномъ-семинаристомъ, обряжали покойника и укладывали его, по обычаю, въ переднемъ углу подъ образами. Семинаристъ взялся и читать.

— Боленъ-то онъ долго былъ? спросилъ семинаристъ.

— Недѣли три, пожалуй, этакъ будетъ... Больно маялся!

— Да что съ нимъ случилось-то?

— Простудился. Съ поштой ѣхалъ, да на перевозѣ,

на Митюхинскомъ, знашь, по Питенбургскому трахту, что-то и подѣялось: то ли паромъ неплотно притянули, то ли сами лошади махнули — разво говорятъ. Пошту-то успѣли захватить, спасли.... а вотъ самъ-то и сплеховаль.... Что будешь тутъ дѣлать! Простужался, поди, и прежде не единожды — да, вѣдь, что... извѣстно, поколѣ Богъ грѣхамъ терпитъ — и ничего! Всѣ подь Богомъ ходимъ.... Смертонька подойдетъ... разсуждалъ старикъ, улаживая лучше покойника.

Семинаристъ, между тѣмъ, сидя у окна, покуривалъ цимбалку; ѣдкій, сладковатый запахъ махорки разносился по комнатѣ, хозяйнѣ которой лежалъ неподвижно, прикрытый холстиннымъ саваномъ.

За перегородкой въ то же время въ полголоса шли другія рѣчи.

— Полно, Петровна, полно, голубушка! Больно-то не тужи! Слезами тутъ ужъ своими ничего, выходитъ, не подѣлаешь! Умные-то люди баютъ, слышь, эфтакимъ манеромъ только мы Господа Бога гнѣвимъ... Потому — Богъ далъ, Богъ и взялъ! Сама-то пуще не доведись!... Мотри, что у тебя остается! Кому какъ не тебѣ ходить.... утѣшала кумушка, завертывая новорожденную въ какія-то тряпки и укладывая ее въ корзинку, долженствовавшую на первыхъ порахъ играть роль колыбели. — Вишь, замѣтила она, немного погода, — Господь-то такъ и приво-

доть.... въ кое время нужно радость — и пошлетъ. Не оставляетъ, милосердый, насъ грѣшныхъ!...

— Дуеть очень...: Заложить бы чѣмъ нибудь! слабымъ голосомъ проговорила хозяйка.

— Дуеть? переспросила кумушка. Ой, да и точно! Оконце-то у васъ разбито! и старуха отыскала гдѣ-то завалившуюся тряпицу и заткнула ею дыру.

— Молока-то у меня, кажется, не будетъ.... начала опять едва слышно родильница.

— Ничего, матка, ничего! Не горюй! У Спиридоновны попрошаю молока-то ... дать! Вѣдь она добръющая у насъ, дай Богъ ей здоровья — не оставитъ! успокаивала сосѣдка бѣдную почтальоншу.

Церковный сторожъ ушелъ домой; кумушка тоже побрела съ разказами къ своимъ домочадцамъ, общавъ, впрочемъ, скоро возвратиться. Почтальонша осталась одна съ ребенкомъ.

Въ другой комнатѣ раздавалось лѣнивое, несвязное чтеніе, а на дворѣ вѣтеръ шумѣлъ и крупный дождь хлесталъ въ окна.... Подъ эту музыку я расскажу тебѣ, читатель, бывальщину....

Почтальонша Ирина Петровна, «модница», какъ называли ее сосѣди, — происходила изъ крѣпостнаго сословія и своею жизнью повторила исторію многихъ.... Родилась она въ рабочую пору, гдѣ-то на полѣ, подъ кустомъ,

и увидала бѣлый свѣтъ изъ высокой травы; бѣлые одуванчики, васильки и колокольчики слегка наклонялись надъ нею головками, какъ бы привѣтствуя ея появленіе въ міръ; пологомъ раскидывалось синее небо, залитое горячими лучами іюльскаго солнца, а щебетанье воробьевъ было первою ея колыбельною пѣсенкой. Выросла она, какъ водится, на зимней стужѣ, на лѣтнемъ зноѣ и въ грязи: бѣгала босикомъ по снѣгу въ морозы трескучіе; въ лѣтніе жары, разгорѣвшись, пила пригоршнями ключевую воду; падала изъ окна, безсчетное число разъ валялась съ лавокъ, со стола, съ палатей; ѣла разную траву, даже грязь; сосала прѣники собственнаго приготовления изъ глины, попадала на рога коровъ, чуть была не закусена бѣшеною собакой — и, несмотря на всѣ подобныя злключенія, осталась жива, здорова и даже не изувѣчилась. Такъ росла не она одна, а все поколѣніе, съ нею вмѣстѣ поднимавшееся на ноги. Но не всѣ одинаково счастливо отдѣлывались: система воспитанія, основанная на несложномъ принципѣ «Богъ не выдастъ — свинья не съѣстъ» — дѣйствовала на иныхъ губительно. Такъ, напримѣръ, одинъ мальчуганъ утонулъ въ колодцѣ, другой былъ раздавленъ проѣзжавшею коляскою, третій объѣлся чего-то и умеръ въ страшныхъ корчахъ; одна дѣвочка глазъ себѣ выколола веретеномъ; много перемерло отъ простуды ребятъ, а ужъ сколько сгибло отъ

домашняго леченья, то одному Богу извѣстно.... Ариша спаслась.

Первые ея товарищи въ играхъ, съ которыми она дѣлила минуты радости и печали, первые закадычные ея благопріятели были поросята: вслѣдствіе постоянныхъ, дружескихъ съ ними сношеній, она такъ ловко научилась подражать ихъ хрюканью и визгу, что не разъ вводила въ обманъ своихъ домашнихъ: послѣднее обстоятельство помогло упрочиться за нею прозвищу «поросенка». Но поросята, быстро подрастая, брали верхъ надъ чело-вѣкомъ, и мирныя отношенія разстраивались въ ожиданіи, пока явится болѣе молодое поколѣніе поросятъ. Когда Ариша забавлялась со своими четвероногими друзьями, тогда, право, трудно было сказать утвердительно, кто изъ нихъ грязнѣе: и тѣ и другая были грязнѣ....

Потомъ Ариша стала показываться уже на улицѣ. Передъ публикой она любила являться съ кускомъ пирога или съ чѣмъ нибудь другимъ, не менѣе заманчивымъ; вѣроятно, желаніе возбудить зависть руководило ею въ этомъ случаѣ. Но таковыя поступки не нравились почасту голодавшей, публикѣ — пирогъ отымался, и Ариша нерѣдко возвращалась съ поля битвы домой растрепанная, въ слезахъ, и долго ревѣла, такъ долго, что иногда отецъ или мать, люди, кажется, привыкшіе ко всякимъ звукамъ, и то не выдерживали и, поднявши рубашонку,

хлестали Аришу по указанному мѣсту прутомъ; дѣвочка въ тѣ критическія минуты, конечно, ревѣла уже такъ, какъ бы ее варомъ варили; послѣ же энергической расправы на разгорѣвшееся сердце тотчасъ находило смиреніе, и только глухія, прерываемыя всхлипыванья доказывали, что волненіе ослабѣваетъ и горе утишается.

Въ праздники отецъ шутилъ съ нею по своему.

— Аришка, ходи медвѣдемъ! Баранью кость дамъ. Ходи, сукина дочь! скажетъ, бывало, отецъ.

Аришка становилась на четвереньки и путешествовала взадъ и впередъ по щелеватому полу.

— Да ты урчи, поросенокъ! Чего такъ-то ползаешь!... добавитъ родитель.

Аришка заурчитъ.

Послѣ глоданья бараньей кости, для нее было первымъ наслажденіемъ ѣздить съ отцомъ на пѣгалькѣ. Любила она также по осени, темнымъ вечеркомъ, забраться съ отцемъ въ подовинъ, слушать и смотрѣть, что дѣлаютъ и говорятъ тамъ.

— Ну что, чертова дѣвка? Въ теплину хошь? спроситъ отецъ, бывало, указывая на огонь.

Дѣвочка смотритъ на горящія головни; дымъ ѣстъ глаза, обдаетъ смрадомъ, копотью — а ей ничего! Она, вполне довольная и счастливая, играетъ на землѣ колосьями и воображаетъ Богъ вѣсть что.

— Тятя, банный, вѣдь, куда не ходить? обратится она вдругъ къ отцу, припомнивъ разныя бывальщины и небывальщины, которыя такъ любитъ деревенскій, вѣрующій людъ.

— А може и заходить! Кто его знаетъ! А ужъ коли заберется, такъ тебѣ не миновать бѣды. Гдѣ, скажешь, тутъ Аришка? Давайте мнѣ ее! Да и хамъ! на послѣднихъ словахъ голосъ принималъ грозный, рычащій тонъ.

Дѣвочка жалась къ отцу, мурашки пробѣгали по тѣлу — и ей было хорошо.

Но высокаторжественнымъ событіемъ въ жизни было для нее хожденіе за грибами и за малиной въ Перекатовскій волокъ. Когда дивчата брали ее съ собой, она восхищалась до седьмого неба. Хорошо идти въ страшный лѣсъ: тамъ дико и темно.... Страшенъ онъ потому, что въ немъ медвѣди живутъ. Давно когда-то медвѣдь унесъ дѣвушку и заключилъ ее въ свою берлогу; по ночамъ въ лѣсу кто-то жалобно стонетъ — кому-же стонать, какъ не бѣдной Акулькѣ отъ побоевъ или отъ ласкъ своего мохнатого суженаго; иногда кто-то плачетъ, кому-же плакать, какъ не дѣтямъ Акульки... Такъ говорили въ деревнѣ, слышала Ариша. Пѣсни веселыя замолкали, и со страхомъ и трепетомъ вступали дивчата въ сумракъ лѣса; изъ-за cadaго куста малины — чудилось имъ — выглядываетъ косматый хозяинъ; захруститъ су-

хая вѣтка подъ ногой — а имъ ужъ мерещатся разные ужасы....

Такъ тянулась жизнь Ариши до шести лѣтъ и не было въ этой жизни ничего выдающагося, рельефнаго; день за днемъ шелъ, словно по росписанію, заранѣе составленному. По седьмому году, случайно, вовсе неожиданно, была она оторвана отъ родной, закоптѣлой избы и переброшена на другую дорожку.

Забѣжала къ нимъ разъ въ деревню собака хромая, смѣшная такая — о трехъ ногахъ. Дѣло было вечеромъ, послѣ работъ. Старое поколѣніе принялось, по обыкновенію, разсуждать: отрубили ли ногу собакѣ или она въ клепецъ попала; пошли догадки: какъ ли откуда взялась эта безногая тварь. Молодое же поколѣніе, склонное, какъ извѣстно, болѣе къ дѣлу, чѣмъ къ словамъ, принялось съ яростью гоняться за хромымъ пришельцемъ. Съ толпою мальчишекъ, преслѣдуя собаченку, забѣжала и Ариша на барскій дворъ. Барыня, владѣтельница Жгутовки, сидѣвшая на крыльцѣ и разговаривавшая на ту пору со старостой, замѣтила смазливенькую Аришу.

— Чья это дѣвочка? спросила она.

— Эфта-съ, черноглазая-то? Петрушки Гребешкова-съ.

— А! Какъ зовутъ? Кликни-ка ее сюда!

— Аришкой-съ. Аришка, .подъ-ко сюда! подзывалъ

староста, сдѣлавъ два шага по направленію къ воротамъ и не рѣшаясь оборотиться къ барынѣ спиной. Подъ, дурочка! Чего ты стала! крикнулъ онъ, махая шапкой и смягчая сколь возможно свой голосъ, придавал ему отгбнокъ нѣжности и ласки. — Барыня пряникъ дастъ....

Ариша съ робостью оглядывалась по сторонамъ и держалась за приворотный столбъ, не трогаясь съ мѣста. Барыню она никогда еще не видала, старосту же знала и боялась: она познакомилась съ нимъ на барскомъ гороховищѣ, гдѣ «сердитый дядя» разъ засталъ ее и больно оттащаль за волосенки.... Аришкины спутники скрылись за воротами и зорко подглядывали изъ-за разросшихся лопуховъ на сцену, въ которой Аришкѣ привелось играть роль. «Выстегаютъ ее! Пряникъ, слышь, сулятъ! Заманиваютъ только поди....» разсуждали маленькіе наблюдатели, сильно интересуясь тѣмъ, какая участь постигнетъ Аришку. Дѣвочка сама бы охотно присоединилась къ нимъ и толкнула бы на свое мѣсто Анютку, но боялась шагъ ступить и оставалась неподвижною.

— Дикарка какая! Приведи ее!

Приказаніе барыни было тотчасъ исполнено.

— Ты не бойся, дѣвочка! Тебя не тронуть, успокоивала госпожа Аришку, сердце которой забилося учащеннѣе, когда она предстала передъ своею властительницей. — Хочешь въ горницу? Ко мнѣ хочешь идти